

Васильевка располагалась в стороне от больших дорог, поэтому отступление наших войск в деревне осталось незамеченным. Но однажды утром старуха Федотовна рассказала соседке, что минувшей ночью в ее окошко тихонько постучали.

— Три солдатика... худющие, измученные... отстали от своих... да и заблудились, видать. Накормила, чем смогла. У меня в избе они и переночевали. А утром, чуть свет, показала им, как на большак скорее выйти. Они и ушли. Сказали: мол, скоро немцы к вам в село явятся, вы уж тут держитесь...

Слух об отступающих солдатах быстро разошелся по деревне. Зинаида узнала о приближении немцев от своей свекрови Антонины Ивановны, которая держала корову Милку и каждый день приносила внучке, трехлетней Катюшке, банку парного молока.

— Что делать будем, а, Зин? — беспокойно спросила она невестку.

— Бежать надо из деревни! — ответила та.

— Может, и надо. Но куда ж я со своими-то больными ногами? Да и коровку жалко оставлять, пропадет она без меня. А вы с Катюшей собирайтесь. Авось найдете где-нибудь приют, мир не без добрых людей. А там, может, и наши скоро вернуться...

Зинаида собралась в сумку кое-какую одежду, положила вареной картошки, хлеба и пятак яиц. Ее две курицы — Рябка и Хохлатка — неслись исправно, и яйца были свежие, только-только из гнезда.

«А что же с курами-то делать?» — мелькнула мысль. Ничего не придумав, Зинаида решила: «Даст Бог, как-нибудь выживут без нас».

Из избы вышли рано утром. Катюшка спросонья немного покапризничала, но быстро успокоилась, решив, что им с мамой предстоит интересная прогулка.

Чтобы выйти на тропинку, ведущую к большаку, надо было пройти через всю деревню. Но не успели дойти и до околицы, как их догнали немецкие мотоциклисты. Пришлось возвращаться назад.

Подходя к своей избе, Зинаида увидела, как трое немецких солдат гонятся за ее Хохлаткой. Нерасторопная Рябка была уже в руках одного из них, а Хохлатка с громким «куд-кудах!» бегала вокруг избы, забиралась в какие-то ей одной знакомые щели, взлетала на забор, на соломенную крышу, пытаясь спрятаться за трубой, снова летела вниз и бегала вокруг избы... Один из немцев даже открыл по ней стрельбу из автомата, но попасть в Хохлатку так и не смог. Невдалеке собрались деревенские ребятишки, которые громко смеялись над незадачливыми охотниками:

— Вот это вояки! С курицей справиться не могут!

Из-за угла выскочил немецкий мотоцикл. Сидевший в коляске офицер строго прикрикнул на солдат, и они, бросив гоняться за Хохлаткой и шуганов стайку ребятишек, ушли. Зинаида загнала Хохлатку в сарай, надеясь, что она оттуда на глаза немцам больше не покажется.

Пришла свекровь. Как всегда, принесла молока, посокрушалась:

— Ох, как же плохо, что вы не успели уйти...

И вдруг попросила невестку:

— Зин, ты женщина молодая, видная... Уж постарайся не показываться этим извергам на глаза... А то — не дай Бог... Ты уж побереги себя...

— Не волнуйтесь, мама, — успокоила ее Зинаида. — Без дела на улице не выйду. Вы только молока Катеньке приносите, когда сможете...

— А как же, а как же, — пообещала Антонина Ивановна. — Буду приносить. А там, даст Бог, и наши выгонят эту погань из деревни...

Но проводить весь день в избе у Зинаиды никак не получалось. То Хохлатку надо было покормить, то дров принести, чтобы печку растопить, то за Катюшкой присмотреть — ей, непоседливой, на месте не сиделось. И однажды, когда Зинаида в очередной раз вышла по делам во двор, случилась беда. Проходивший мимо молодой, но не в меру упитанный немецкий ефрейтор с неприятно большим родимым пятном на правой щеке, воровато оглянувшись по сторонам, направился в ее сторону. Зинаида попыталась тут же скрыться в избе, но немец угрожающе крикнул:

— Halt!

Зинаида остановилась. А Катюшка, не понимая, кто перед ними, вежливо, по-детски, поздоровалась:

— Татути!

Немец грубо оттолкнул ребенка и шагнул к Зинаиде, молча указав пальцем в сторону сарая, за открытой дверью которого виднелось сено — свекровь сложила его тут, потому что на ее дворе сарая не было. Зинаида сделала вид, что ничего не понимает. И тогда он, грубо схватив ее за руку, поволок к этому сену. Зинаида пыталась отбиться, кричала, но ефрейтор зажал ей рот своей рукой, покрытой татуировкой в виде какого-то вензе-

ля. И тогда маленькая Катюшка схватила незваного гостя за его каменно-серые брюки, дернула своими слабенскими ручонками на себя и что есть мочи заверещала:

— Пусти маму! Пусти маму!

Немец снова оттолкнул девчонку, и тогда она совсем по-взрослому завизжала:

— Помогите, люди доблые! Помогите!

В тот же он ударил ее сапогом прямо в лицо, и девочка упала, потеряв сознание.

2

Дочка потеряла глаз. Как ни сокрушалась Зинаида, сделать ничего не смогла. Больница в оккупированной немцами Васильевке не работала, а старый фельдшер Семен Еремеевич только развел руками:

— Тут нужны специалисты-офтальмологи. Да и они могут оказаться бессильными...

Ну а упитанный немецкий ефрейтор продолжал навещать Зинаиду. Поначалу она пыталась от него отбиваться, но он угрожающе шагал в сторону Катюшки, и женщине приходилось покорно идти в сторону сарая.

Однажды немец протянул Катюшке конфету. Заглядевшись на причудливую татуировку на его руке, девочка машинально конфету взяла. Она была в красивой золотистой обертке, матиону так хотелось развернуть! Но девочка, недолго думая, швырнула немецкий подарок за дверь. Ефрейтор, отпустив ей подзатыльник, сказал:

— Böses Mädchen!¹

И ушел вслед за Зинаидой в сарай.

Вскоре Зинаида поняла, что забеременела. Охвативший ее ужас был недолог, потому что обернулся неожиданной радостью: глядя на растущий живот Зинаиды, насильник потерял к ней интерес и перестал приходить. Расстраивала только свекровь. Принося молоко для Катюшки, она укоризненно смотрела на невестку:

— Не убереглась, Зинаида, не убереглась... Как же так?..

— А что я могла сделать? — оправдывалась Зинаида. И успокаивала себя тем, что Витя, муж, когда вернется, поймет ее и упрекать не станет.

Зимой, в конце января, немцы ушли из Васильевки. А по весне Зинаида родила мальчика. Назвала его Павлом, Павлушей. На ухмылки односельчан, окрестивших сына Паулем, не обращала никакого внимания: «Позлословят, да и перестанут».

Виктор, демобилизованный по ранению, вернулся ближе к осени. Какие-то «добрые» люди успели рассказать ему про Павлушку раньше самой Зинаиды, еще по пути от станции в Васильевку. Ей тоже сообщили, что пришел, мол, муж под вечер к своей матери, Антонине Ивановне, у нее и ночевать остался. О чем уж говорили всю ночь мать с сыном, Зинаиде было неизвестно, но утром Виктор появился дома. Расцеловал дочурку, обнял Зинаиду, достал из солдатского вещмешка какие-то нехитрые подарки. На подросткового Павлушку старался не глядеть, делая вид, будто ребенка тут нет. И Зинаиду ни в чем не упрекал. Она сама попыталась завести с ним разговор о ребенке, но муж решительно ее оборвал, не желая ничего знать.

¹ Böses Mädchen! (нем.) — Плохая девочка!

Несколько дней Виктор провел в работах по дому. Выправил покосившийся плетень, прочистил дымоход, подлатал прогнившую стену сарая. А потом пошел в правление колхоза — устраиваться на работу. Пришел из правления довольным, сказав Зинаиде, что с завтрашнего дня работает шофером. Зинаиду это тоже обрадовало. И не только потому, что в доме появится какая-то копейка. Главное, Виктор будет меньше видеть Павлушку и, даст Бог, постепенно привыкнет к его существованию.

Как она ошибалась! В первый же день какой-то доброжелатель спросил у мужа про Пауля. Виктор поначалу даже не понял, о ком идет речь. А когда понял...

Вечером он пришел домой пьяным. И пошло-поехало! Он пил уже с утра, ежедневно, пытаюсь утопить в бутылке самогона свою боль. Но тонул сам. С работы его, конечно, выгнали. А через неделю его нашли попавшим под поезд на той самой станции, с какой он когда-то уходил на фронт. Куда он собрался на этот раз, объяснить мог бы только он сам.

После похорон мужа Зинаида долго и тяжело болела. Ее, ни в чем не виноватую, убивало чувство вины в смерти Виктора. Она всеми силами цепляясь за жизнь, понимая, что оставить детей сиротами не имеет права. За Катюшку она беспокоилась меньше: свекровь ее, конечно, вырастит. А что будет с Павлушкой? Кому он нужен?

Зинаида умерла весной, пережив мужа всего на полгода...

3

Когда Катя услышала от своей подруги Светланки, что скоро пройдет встреча одноклассников по случаю тридцатипятилетия со дня окончания школы, она, ни минуты не раздумывая, решила: не пойдет. Конечно, ей очень хотелось увидеть знакомые с детства лица, узнать, как сложилась судьба близких ей людей. Но ее останавливало одно: приятно ли им будет видеть ее, как она считала, безобразную одноглазую физиономию? Да, по правде говоря, ей и надеть-то на такую встречу было нечего — никакой нарядной одежды у Кати не было.

Она вообще привыкла сторониться людей, пряча от всех свое лицо. Началось это еще в детстве, когда на улице, куда она выходила поиграть с ребятами и девочками, к ней сразу же прилипла кличка — Косая. Когда ее так называли, у нее сразу что-то обрывалось внутри, и она замыкалась в себе. Это продолжалось и в школе, но, правда, недолго. Светланка знала историю ее детства и рассказала о ней одноклассникам. Катю сразу перестали обзывать. Как отрезало. Наоборот, все стали относиться к ней подчеркнуто внимательно и участливо. Один только раз сосед Сережка, забывшись, крикнул через весь класс:

— Эй, Косая, дай алгебру списать!

К нему тут же подошел Володька Макаров:

— Емце раз обзовешься — получишь по морде!

Весь класс тоже смотрел на Сережку осуждающе. Он забеспокоился:

— Ребят, да вы чего? Да я же случайно! Кать, извини, не обижайся на меня...

Она и не обижалась.

Катя уже давно жила одна — в избе бабушки Тони. Покойная мама беспокоилась напрасно: Антонина Ивановна вырастила не только внучку, но и Павлушку. Относилась к нему как к родному, и Катюшку ничем не выделяла. Понятно, бабушке, уже старенькой, нелегко было растить

двоих детей. Она быстро потеряла здоровье и умерла в год, когда Катя окончила школу. Павлушка учился только в седьмом классе, и эти годы, пока он окончит десятилетку, жилось им вдвоем, ох, как трудно. Светланка, поступившая в педагогический, звала и Катю с собой. Но разве можно было бросить брата? Пришлось искать работу в селе, и Катя устроилась в своей школе уборщицей.

Через пять лет Светлана, Светлана Ивановна, вернулась в школу учительницей русского языка и литературы. Катя очень обрадовалась ей. К тому времени Павлушка учился в Ленинградском мореходном. Катя сильно скучала по брату — и тогда, и потом, когда он уехал служить на Дальний Восток. Звал сестру к себе, но она не решилась уехать из Васильевки. Ведь у Павлушки уже была своя семья. «Кто меня там ждет, кроме него?» — сомневалась она.

С возрастом у Кати стал все сильнее и сильнее болеть глаз. Не тот единственный, которым она видела, а тот, которого вроде и не было. Не было, но он болел. Временами боль была такой нестерпимой, что весь мир вокруг становился ей ненавистным. В эти минуты Катя закрывалась в школьной подсобке, где хранились ведра, швабры и другой ее рабочий инвентарь, тихонько стонала и даже на стук в дверь никому не отвечала.

Боль приходила все чаще, и однажды она решила поехать в областной центр, в глазную больницу. Почти полдня врачи-консультанты проверяли ее глаз на каких-то мудреных приборах. Папка с заключениями все росла и росла, а когда она стала толстой-претолстой, Катю пригласили на беседу. Вежливый врач посоветовал ей принимать при болях обезболивающие таблетки, выписал рецепт. Сказал, что зрительные нервы у нее в полном порядке, они не повреждены, и теоретически зрение можно восстановить. Но практически это сделать почти невозможно. Успешно занимается этим только врач из Германии профессор Краузе. В его клинике творят чудеса, делая сложнейшие операции по восстановлению зрения и даже по имплантации глаз. Конечно, такие операции стоят больших денег.

Поездкой в клинику Катя осталась довольна. Об операции ей и мечтать нечего было, а вот обезболивающих таблеток она в городской аптеке накупила впрок и вскоре проверила на себе их действие. Боль утихла довольно быстро и стала появляться реже.

Ну, а к одиночеству Катя уже давно привыкла. Встреч и разговоров со Светланкой ей вполне хватало. Вот и теперь она с нетерпением ожидала ее рассказа о встрече одноклассников.

— Зря ты не пришла, — сказала Светлана. — Все о тебе спрашивали. И я все о тебе рассказала, ты уж извини меня...

— Что именно?

— Да о немецкой клинике, о которой ты мне сама говорила. И знаешь что? Володька Макаров обещал помочь тебе. Он теперь в Москве живет, при деньгах, говорит, что у него есть такая возможность.

— Свет, ну зачем ты? — забеспокоилась Катя.

— Да брось ты! Если Макаров пообещал, значит, все сделает. Ты же его знаешь. Так что жди от меня хороших новостей.

Новости не заставили себя долго ждать. После выходных Светлана ворвалась в подсобку радостная и сразу затараторила:

— Кать, собирайся в Германию! Звонил Володька, он уже подписал договор с немецкой клиникой. И деньги им перечислил. А тебе купил билет на самолет до Берлина. И обратный тоже купил — с открытой датой. Вылетаешь на следующей неделе, во вторник. Володька сказал, что

встретит тебя на Казанском вокзале и сам отвезет в аэропорт. А в Берлине тебя тоже встретят, там уже знают номер твоего рейса.

Уходя, Светланка улыбнулась:

— Зайди ко мне домой вечером. Подберем для тебя одежду для поездки — что-нибудь поэлегантнее.

4

В поезде в голову Катерины лезли всякие беспокойные мысли: «А что если Володька меня не встретит?... А что если не встретят в Берлине?... И как она узнает, того, кто ее встречает?..» Эти мысли не давали спать, и в Москву она приехала совершенно разбитой.

Володька ее, как и обещал, встретил. Сразу заметил, что она выглядит уставшей. Спросил:

— Ты что — переживаешь, что ли? Зря. Я справлялся: сотни людей проходят через эту клинику, и ни разу не было неудачных операций.

До рейса из Шереметьево в немецкий аэропорт Тегель оставалось еще несколько часов.

— Поедем ко мне домой. Посидим пару часов, познакомлю тебя со своей семьей, — предложил Володька.

Но Катерина решительно отказалась, подумав: «Кому там меня, одноголазую, приятно видеть будет?»

— Лучше Москву мне покажи, — попросила она.

В Москве Катерина была впервые, и поездка по улицам и площадям столицы ее очень впечатлила. На некоторое время она даже забыла о своих тревогах. Но они снова нахлынули, когда приехали в Шереметьево.

Оказалось, что тревоги были напрасными. И регистрация на рейс, и посадка прошли спокойно, по расписанию. В самолете проголодавшуюся за день Катерину неожиданно для нее вкусно покормили.

А при выходе из немецкого аэропорта она сразу заметила молодого рыжего немца, который держал перед собой лист бумаги, а на нем крупными буквами, черным фломастером, была написана ее фамилия. «Ясно, меня встречает», — поняла она. Подойдя к немцу, протянула ему руку и представилась.

— Пауль, — назвал он себя. — Я ваш переводчик, буду помогать вам во время лечения.

Пауль вежливо попросил у Кати ее сумку, донес до автомобиля и положил в багажник. Открыв перед гостьей дверцу, пригласил на переднее сидение, сообщив:

— Мы сразу едем в клинику. Уже поздно, и вам нужно отдохнуть.

Клиника оказалась довольно уютной. Катю поселили в одноместной палате, принесли ужин. Вскоре ее, уставшую после дороги, стало клонить ко сну. Засыпая, она вспомнила переводчика: «Надо же, Пауль... Какое совпадение...»

Катя и представить себе не могла, какое совпадение ожидает ее завтра.

5

Утром, после завтрака, в палату вошла медсестра, суетливо стала поправлять подушки, критически осматривать все вокруг. Что-то пробормотала Кате по-немецки. Та уловила в сказанном единственное слово — «профессор». Поняла: «Значит, сейчас придет этот самый знаменитый Краузе».

Он появился в сопровождении Пауля, и она сразу его узнала. Да, он сильно постарел, поседел, стал еще более грузным, но был хорошо узнаваем. К тому же его выдавало это большое родимое пятно на правой щеке и татуировка-вензель на левой руке. Она еще раз присмотрелась к нему. Нет, с кем-то его перепутать она не могла. Конечно, детская память коротка. Но ее память продлили бесконечные страшные сны, в которых она видела, как он тащит маму в сарай... как заносит над нею самой свой сапог. В этот момент она всегда с криком просыпалась и долго не могла успокоиться.

Да, это был он. Катя решительно поднялась с кровати и, глядя прямо в глаза профессору, тихо, но презрительно произнесла:

— У-у, мразь фашистская!

Глаза профессора беспокойно забегали, он растерянно обратился к переводчику:

— Was ist das? Was ist hier los?²

Пауль непонимающе пожал плечами. Спросил Катю, судорожно собирающую свою сумку:

— Вы хотите разорвать контракт?

Та отрезала:

— Да, хочу разорвать!

Пауль растерялся:

— Как? Ведь профессор Краузе — известнейший специалист в своем деле!

Катя была непоколебима:

— Для вас он, может, и специалист. А для меня — обыкновенная сволочь, фашист недобитый.

Профессор, кажется, начал что-то понимать. Во всяком случае, слово «фашист» он услышал вполне отчетливо. Лицо Краузе густо побагровело, и он вышел из палаты, громко хлопнув дверью.

— Вы не можете отвезти меня в аэропорт? — попросила Катя переводчика.

— Хорошо, хорошо, — с готовностью закивал тот. — Буду ждать вас у выхода из клиники.

По дороге в аэропорт Пауль снова поинтересовался:

— Почему вы уезжаете?

И Катя рассказала ему историю из своего детства. Глубоко шокированный услышанным, Пауль, свернув на обочину, остановил машину. Долго молчал. Выйдя из оцепенения, непрерывно качал головой:

— Ну и профессор... Ну и Краузе... Не ожидал, что услышу о нем такое...

Потом обернулся к Кате:

— Может, не стоило вам покидать клинику? Он же обязан был сделать вам операцию бесплатно! Вы же могли отсудить с него такую сумму ущерба — и физического, и морального! Такую сумму!

Впрочем, чуть подумав, сказал:

— Но доказать, что это был он, было бы крайне трудно...

Автомобиль опять тронулся в сторону аэропорта. Там, а аэропорту, Пауль услужливо достал Катину сумку из багажника, донес ее до зала ожидания. Прощаясь, пытался поцеловать руку, но она, не привыкшая к таким сантиментам, решительно ее отдернула:

² Was ist das? Was ist hier los? (нем.) — Что такое? Что здесь происходит?

— Ну, все, все... прощайте.

Уходя, Пауль не раз и не два обернулся, то и дело повторяя на русском и на немецком:

— Извините... извините... entschuldigung...

В самолете, глядя в иллюминатор, Катя задумалась: «Может, и в самом деле не стоило уезжать?» Но тут же отогнала эту мысль прочь: «Дать этому респектабельному подонку еще раз почувствовать свое превосходство надо мной? Да ни за что на свете!»

Внезапно ее охватила какая-то беспредельная радость от того, что скоро она снова будет на родной земле, что увидит свою Васильевку, встретится с дорогими ей людьми. Смутное ощущение любви к тем, кто живет рядом с нею, переполняло ее и во время полета, и по дороге из Москвы домой. Изредка приходила мысль о больном глазе, но она больше ее не пугала: «Прожила большую часть жизни косою, проживу и оставшиеся годы... Поздно уже что-то менять...»

На следующее же утро после приезда домой Катя вышла на работу. Перед началом уроков встретила Светланку, все ей рассказала.

— Правильно сделала! — поддержала ее подруга. — И я, оказавшись на твоём месте, тоже не раздумывала бы. Надо же, какие подонки у них там в люди выбиваются!

Прозвенел звонок на первый урок.

— Я побежала, — заторопилась Светланка. — После уроков забегу к тебе, продолжим разговор.

Но она заглянула в подсобку уже на большой перемене:

— Кать, только что звонил Володька Макаров. Говорит, что к нему на счет деньги из Германии вернулись. Спрашивает, что случилось. Я ему и рассказала обо всем. Он раскричался: мол, почему сразу ему не сказали, он бы своего юриста подключил — засудили бы того фашиста. Правда, потом, чуть остыв, согласился, что доказать вину этого профессора было бы трудно, практически невозможно.

— То-то и оно, — вздохнула Катя.

Внезапно разболелся глаз. Катя пошарила в сумочке, но обезболивающих таблеток в ней не оказалось. Она поспешила домой. Приняв таблетку, вышла на улицу. Нарвала в палисаднике букет ромашек и пошла на кладбище, к маме. Ей вдруг нестерпимо захотелось посидеть у ее могилки, тихонько, по душам, поговорить с нею...

ПРОКЛЯТИЕ

Когда немцы вошли в Березовку, никто в деревне не удивился, что Тимофей Еремеев тут же засеменял в их только что созданную комендатуру. Человек он был с червоточинкой, всегда и всем недовольный, нелюбимый, поэтому березовцы решили, что он вызовется быть старостой. Для полиция он староват, а для старосты — в самый раз.

Что за разговор был у Тимофея с немцами, никому неизвестно. Но дошли до березовцев слухи, что он донес на своего соседа, Степана Ковалева: тот, мол, связан с партизанами. Немцы над этим доносом только посмеялись и самого Тимофея всерьез не приняли: о партизанах в этих краях не было слышно, да и негде им было прятаться — на многие-многие версты вокруг расстилалась равнина да голые балки, а более-менее приметных лесов, в которых можно было бы укрыться от незваных пришельцев, — ни одного. Однако обыск в избе Степана немцы провели — так, на

всякий случай. Тервернули все вверх дном, даже Серафиму, большую мать Степана, с постели подняли — искали что-то под матрасом. Понятное дело, ничего не нашли.

Тимофей давно затаил обиду на Степана. По какой причине — он и сам себе не смог бы объяснить. Были они одногодками. Да и судьбы их сложились очень похоже. Учились в одном классе, женились в один год, сыновья их, степенов Колька и тимофеев Федька, тоже были практически ровесниками: первый был всего на год постарше второго. Жен своих Степан и Тимофей потеряли в один день: колхозный грузовик возвращался с поля и попал в страшную аварию. Пострадавших оказалось много, но погибли только двое — Раиса и Клавдия, жены Степана и Тимофея.

Но людьми Степан и Тимофей были разными. В отличие от Тимофея, Степан был человеком незлобивым и на выпады соседа старался не реагировать. Тимофей и раз, и другой передвигал межу на стыке их огородов — естественно, в свою пользу. Степан ему на это ни слова не говорил, только усмехался про себя. Правда, когда Тимофей сделал это в третий раз, Степан вызвал землемера, и тот восстановил справедливость, чем только распалил Тимофея.

И стал Тимофей ждать нового удобного случая, чтобы насолить соседу. Такой случай ему, уже при немцах, представился. Вернее, «подставился» сам Степан.

С середины лета немцы стали ежедневно, с утра, отправлять березовцев — и взрослых, и подростков — на работы в поле. Староста Ефим Потапов предупредил каждого:

— За прогул немцы обещают строго наказывать!

Вот и в то утро Степан засобирался к бывшему сельсовету, откуда односельчане в сопровождении полицаев уходили работать. Но его оставила Серафима.

— Степан, а Степан, — позвала она, — видать, не доживу я до завтра. Худо мне, совсем худо... Помру я none...

— Мать, да чего ты вздумала? — забеспокоился Степан. — Не надо помирать, живи, пока живется! Нам с тобой еще надо Колюшку нашего с войны дожидаться... Не оставляй меня одного...

— Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай! — ответила она поговоркой, которых знала, может, сотни, а может, и тысячи.

«Что же делать?» — задумался Степан. Оставить Серафиму одну он не мог. А в поле не пойдешь — неприятностей от немцев жди. «Придется все же работу в поле пропустить, — решил он. — Авось никто не заметит».

Может, никто и не заметил бы. Но только не Тимофей. Вечером, когда все возвращались с работы, он тихонько, чтобы никто не слышал, послал сына к немцам — доложить, что соседа на работе не было. Но Федор не очень-то осторожничал. На глазах у тех, кто еще не успел уйти с сельской площади, он подошел к группе немцев и что-то сказал им, показав рукой в сторону избы Степана. Немцы тут же бросились к этой избе. Степана вывели с заломленными за спину и связанными руками. Сразу повели в комендатуру. Люди с площади не расходились, стали ждать, что будет дальше.

К площади подъехали на телеге три полицаи. Выгрузили с телеги доски и стали что-то из них сколачивать.

К полицаям подошла вездесущая старуха Шарониха, спросила одного из них, которого хорошо знала:

— Васья, а чего это вы тут делаете?

— Отойди, бабка! — рывкнул тот, кого звали Васькой. — Не мешай тут! Виселицу мы делаем, немцы приказали!

Шарониha испуганно всплеснула руками, вернулась к бабам.

— Бабы, ой, бабы... виселицу они делают... Неужли Степана будут вешать изверги?

Кто-то засомневался:

— Да не может быть! За что?

Работа у полицаев шла споро, и виселица вскоре была готова. Тут же из комендатуры немцы вывели Степана. Руки у него уже не были связаны, а на груди болталась фанерная дощечка с надписью крупными буквами на немецком: «Nicht zur Arbeit gegangen» и еще крупнее — на русском: «Не вышел на работу».

Один из полицаев услужливо притащил из соседней избы табуретку. Степана заставили подняться на нее, стали надевать петлю на шею. И вдруг он громко крикнул:

— Бабы, не оставьте мою мать, умирает она! Очень вас про...

Полицай выбил табуретку у него из-под ног.

Бабы в страхе стали разбежаться кто куда.

* * *

Серафиму в Березовке уважали и взрослые, и дети.

Спроси у нее в любой час дня и ночи, когда тот или иной православный праздник отмечается, она расскажет без запинки:

— Красная горка — в первое воскресенье после Пасхи. Иванов день — 24 июня... 29 июня — день святых апостолов Петра и Павла... А Ильин день — 20 июля... Только это все по старому стилю. По новому-то вы сами подсчитывайте.

— А Спас когда?

— Медовый — 1 августа... А 6 августа — яблочный... А уж 16 августа — Спас полотняный, он на следующий день после Успенья Пресвятой Богородицы бывает...

С датами по новому стилю Серафима почему-то постоянно путалась, они ей давались с трудом, и перевести какой-нибудь нужный ей день со старого стиля на новый она всегда просила Степана.

Серафима очень любила детей. Для маленького Коли, своего внука, после гибели Райсы стала матерью — это понятно. Но ведь и другие ребятки льнули к ней, как к родной. Пока в постель не слегла, ее всегда можно было видеть в окружении детей. То она им сказки рассказывает, то о пользе какого-нибудь цветка или травки говорит, то какую-то неизвестную им игру затеет. В любой березовской семье знали: если сынишка или дочурка куда-то запропастились, то перво-наперво надо к Серафиме идти, и они непременно там найдутся.

Конечно, березовские бабы попробуй Степана не могли не уважить, и вскоре после его повешения они собрались у постели умирающей Серафимы. Она лежала, прикрыв глаза.

— Спит... — прошептала одна из пришедших.

Но Серафима не спала. Открыв глаза, она заговорила — тяжело, отрывисто:

— Бабы... не жалейте меня... скажите всю правду... что со Степаном?..

Переглядываясь друг с другом, женщины не знали, что делать. Кто-то шепотом произнес:

— При смерти она... Грешно не сказать ей сейчас, что стало с сыном...
Старуха Шарониха подошла к кровати Серафимы:

— Подружка моя дорогая, крепись... Сына твоего немцы проклятаи повесили на площади...

Лицо Серафимы посуровело. По ее щеке покати́лась слеза.

— Я знаю, — сказала она, — это Тимоха... со своим сынком... выдали извергам... моего Степана...

Она надолго замолчала. Казалось, что Серафима онемела от того, что услышала о сыне. Бабы тоже молчали, потому что каждая понимала: Серафиму не смогут сейчас утешить никакие слова.

И вдруг Серафима снова заговорила. Нет, не заговорила — она к кому-то взывала, она чего-то требовала:

— Отыде, дьяволе... от храму и от дому сего...

Она тяжело дышала, говорить ей было трудно, но она продолжала:
— ...от дверей... и от всех четырех углов... Нет тебе, дьяволе, чести и участия... места и покою...

Бабы стали переглядываться, пожимать плечами. Все они были богомольными, в церковь ходили постоянно, но никогда не слышали этой молитвы ни от отца Василия, ни от монашек.

— ...здесь крест Господень... Матерь Христова... Пресвятая Богородица... святой Петр... святые Евангелисты... Иоанн, Лука... Марк... Матфей... святой Архангел Михаил...

Слова давались Серафиме все труднее и труднее:

— ...Гавриил... Рафаил... Уриил... Угасиил... Евгудил... Варахаил... Силы небесные... ликовствуют...

Немного передохнув, Серафима снова подала голос:

— ...здесь святые Херувимы и Серафимы... святой Михаил... ныне по всей вселенной... по ним же полки... держит... святой Петр... палицу держа...

Бабы прислушивались к каждому ее слову, пытаясь понять, не бредит ли Серафима перед смертью. Нет, кажется, она не бредила.

— ...здесь Рождество Предтечи... здесь тебе, дьяволе... всему месту... и дому... и человеку... и скоту... и всем рабам Божиим...

Серафима снова помолчала, набираясь сил. Неожиданно ее голос зазвучал громче и отчетливее:

— ...беги отсюда... во ад кромешный... где твой настоящий приют... и тамо да обретайся...

Последние слова Серафима произнесла, уже совсем хрипя и задыхаясь:

— Слово... мое... крепко... яко... камень... аминь... аминь... аминь...

При слове «аминь» Серафима попыталась поднять правую руку, чтобы совершить крестное знамение. Но рука тяжело опустилась на ее грудь. Серафима сделала глубокий вдох, закрыла глаза и притихла.

Бабы тихонько заголосили. Эту голосьбу вдруг прервала Шарониха:

— Бабы, вы поняли, о каком дьяволе говорила наша Серафимушка?

Бабы в недоумении открыли рты.

— Это ж она, — продолжала Шарониха, — прокляла Тимоху, прокляла вся ево род!

Все затараторили, согласно кивая головами:

— Прокляла, прокляла...

Всю ночь бабы просидели у кровати Серафимы. Молились Богу, просили его о спасении души новопреставленной рабы Божьей Серафимы, об

упокоении ее в селениях праведных. Читали псалтырь, плакали. Утром, выходя из хаты Степана, они увидели, что Тимофей, пользуясь случаем, передвигает свой плетень в сторону соседского огорода, снова устанавливая межу в свою пользу. Не сговариваясь, бабы дружно, с отвращением плюнули в его сторону.

Днем, прощаясь с Серафимой на деревенском погосте, опять перешептывались о том, что покойная прокляла Тимофея и весь его род. Иные бабы, крестясь, даже повторяли слова Серафимы, которые им запомнились:

— Отыде, дьяволе, от храму и от дому сего... беги отсюда во ад крошечный, где твой настоящий приют, и тамо да обретайся...

Тело повешенного Степана все еще продолжало висеть на площади — для назидания и устрашения. Немцы разрешили похоронить его только через неделю.

* * *

О проклятии Серафимы в Березовке заговорили с новой силой, когда Тимофей неожиданно... погиб. Произошло это на девятый день после смерти Серафимы. Увидев, что Тимофей в очередной раз возится со своим плетнем, переставляя его, теперь уже в новом месте, в сторону избы покойных соседей, немецкий офицер, проходивший мимо, подозвал его и на ломаном русском приказал идти за ним, взяв с собой молоток и гвозди. Подойдя к комендатуре, офицер уже через переводчика передал, что надо прибить лист железа на крыше здания комендатуры: в дождливые дни она стала протекать.

Тимофей взял лестницу, залез на крышу и взялся за дело. Что с ним случилось дальше — то ли сознание потерял, перегревшись на солнце, то ли просто поскользнулся — так и осталось непонятным, но он упал с крыши. Упасть с не такой уж высокой деревенской крыши — дело не смертельное. Конечно, можно руки-ноги переломать, сильно ушибиться, но не умереть же! Так ведь Тимофей не просто на землю упал — он напоролся на металлический штырь, торчавший из нее. Кто, когда и зачем вогнал этот штырь в землю, вспомнить никто так и не смог. Кажется, он всегда тут торчал. Может, когда-то служил привязью для какой-нибудь деревенской живности — козы, например, коровы или лошади. А может, совсем другое было у него назначение. Березовцы только плечами пожимали, глядя на него, и никто из них не сомневался, что штырь этот издавна торчал здесь только для того, чтобы на его острие завершилась непутевая жизнь непутевого и злого человека.

Прощаться с Тимофеем Еремеевым никто из березовцев не пришел. Федор сам выкопал могилу и в одиночестве проводил отца в последний путь, выпросив накануне у немцев лошадь с телегой.

* * *

В январе немцев выбили из Березовки. Военный следователь скрупулезно изучал все их преступления, совершенные в деревне. Занялся и обстоятельствами повешения Степана Ковалева. Допрашивал многих березовцев, и все они называли доносчиком Тимофея Еремеева. Вызвал следователь и Федора. Тот тоже все валил на отца. Дело закрыли.

А к весне в деревне появился Николай, сын Степана, с медалями на

груды. Заехал всего на пару дней по пути в Москву — его направили учиться в военную академию. Побывал на могилах родителей и бабушки Серафимы, повстречался со многими земляками, балагурил с деревенскими девушками. Мельком увидел и Федора, когда тот выносил ведро с помоями из избы. Крикнул ему:

— Привет, сосед!

Но Федор, сделав вид, что ничего не слышит, пугливо скрылся в избе.

Из своей избы он почти никогда не выходил. Федора в Березовке откровенно игнорировали — и стар, и млад. Никто ему не подавал руки, при встрече отворачивались, словно его не существует, или обходили стороной. Когда он надумал жениться, ни одна березовская девушка на него и взглянуть не пожелала. И это при том, что мужиков в ту пору в деревне было, как говорится, раз, два — и обчелся.

Нашел он себе невесту в соседней деревне, там же сыграли свадьбу. Привез молодую жену в Березовку. Уже через два-три дня поняла она, что жить им придется изгоями. К этому она была не готова и через месяц ушла от Федора.

Решил он переселиться в другое место — туда, где его никто не знает. Подыскал избу в одном из дальних сел. Стал уговаривать ее одинокую хозяйку поменяться. Та ни в какую: что, мол, мне за нужда или выгода в этом обмене? Пришлось предложить ей немалую доплату. Ну, она и согласилась.

Однако худая молва и презрение бежали впереди Федора. И в этом селе люди обходили его стороной, словно прокаженного.

Говорят, что рыба, попадающая в безвыходную ситуацию в воде, выбрасывается на берег. Федор нашел этот берег в петле от веревки, привязанной к матице его нового жилища. На следующий день его тело обнаружил сельский почтальон, который ходил от одной избы к другой и агитировал подписаться на районную газету.

Так оборвались на этой земле следы рода Тимофея Еремеева.

«Отыде, дьяволе, от храму и от дому сего... беги отсюда во ад кромешный, где твой настоящий приют, и тамо да обретайся...»

